

Пролог

Он спрашивал себя, заметила ли что-нибудь его жена. Эти ее странные взгляды... она как будто в чем-то хотела его уличить. Ничего не говорила, что совсем не исключало того, что она пристально за ним наблюдает. И делает выводы.

Они поженились в апреле. Сейчас сентябрь, а их отношения так и не продвинулись дальше той фазы, когда молодожены настороженно приглядываются друг к другу, стараясь удерживать при себе собственные комплексы и странности. Но он уже сейчас понимал, что она — нытик. Такие женщины не устраивают истерик, не бьют тарелок и не угрожают вышвырнуть супруга из дома, предпочитая изматывать его беспрерывным нытьем.

До сих пор она держалась. Всячески старалась быть примерной супругой. Готовила его любимые блюда, вовремя убирала пиво в холодильник, гладила его рубашки и брюки и смотрела с ним спортивные программы вместо романтических мелодрам. При этом он все время чувствовал на себе ее пристальный взгляд.

Она вышла за него, потому что не справлялась без мужчины, нуждалась в его заботе и защите. Он женился на ней, когда жизнь вдруг стала разваливаться на куски —

ни денег, ни постоянной работы. Он как будто потерял равновесие и уже начинал слишком много пить. Даже если и удавалось пристроиться куда-нибудь, где зарплата позволяла оплачивать унылую квартиру, в которой он жил, вкус к жизни был совершенно утрачен. Собственно, это была не жизнь, а бесперспективное существование. Поэтому, когда появилась Люси, с маленькой велосипедной мастерской, доставшейся в наследство от покойного мужа, он увидел в этом шанс. Он всегда умел при случае ухватить быка за рога и гордился этим.

И вот теперь он был женат, имел свой бизнес и крышу над головой. Но не успела жизнь наладиться, как появилось это чувство, похожее на одержимость, — невозможность думать ни о чем, кроме нее. Хотя в глубине души он подозревал, что этим кончится.

Это была не Люси.

Блондинка — не крашенная, как Люси, у которой уже сейчас то там, то здесь мелькали седые волосы, а самая настоящая, с волосами до талии которые переливались на солнце, как шаль из золотого шелка. Глаза сине-зеленые. В зависимости от того, насколько светло было снаружи, от цвета ее платья и окружающей обстановки, они казались то синими, как незабудки, то серо-зелеными, как лесное озеро. Ни у кого раньше он не наблюдал ничего подобного.

И еще ему нравились ее руки — такие изящные, с длинными, тонкими пальцами... Ноги — словно вырезанные из светлого драгоценного дерева кем-то, кто потратил на это уйму времени и сил. Ни малейшего намека на грубость или неуклюжесть. Она была сама грация, само совершенство.

При одной мысли о ней его бросало в пот. Увидев ее, он уже не мог оторвать от нее глаз, и Люси, наверное, это за-

мечала. Когда она шла по улице, он старался встать возле дворовых ворот. Или испытывал на тротуаре недавно отремонтированный велосипед, чтобы иметь предлог находиться снаружи. Он любил ее движения, легкий, пружинящий шаг. Она шагала уверенно, никогда не семеняла. Столько силы было во всем, что она делала... Бежала ли, говорила, смеялась — она излучала силу, энергию. И красоту. Такой избыток красоты и совершенства, что он почти не мог в это поверить.

Наверное, здесь была не только одержимость и ненасытность глаз, но и любовь, из которой произрастало все остальное. Любовь стала началом, почвой, на которой расцвела его страсть — не имевшая к Люси никакого отношения. Так или иначе, Люси была вынужденной мерой. Он все еще не мог от нее отказаться из-за угрозы социального коллапса. Жизнь иногда вынуждает нас терпеть неприятные вещи, и с этим ничего нельзя поделать. Он давно это понял.

И все равно бунтовал, снова и снова проваливаясь между вспышками бунта в черную безысходность. Потому что какие у него были шансы? Он не был привлекательным мужчиной и не строил на этот счет никаких иллюзий. Может, когда-то давно, но не теперь. С большим животом, которым был обязан пиву и жирной пище, с дряблым, одутловатым лицом. Ему было сорок восемь, и он мог выглядеть на десять лет старше, особенно если много выпивал на ночь — вредная привычка, отказаться от которой не получалось.

Ему следовало бы заняться спортом, есть больше овощей, пить воду или чай, но — боже мой! — после тридцати лет совсем другой жизни не так легко измениться. Он спрашивал себя, сможет ли этот эльф, сказочное существо тем не менее полюбить его. Несмотря на мешки под глазами, потливость

ШАРЛОТТА ЛИНК

и одышку при малейшей физической нагрузке. В конце концов, под неказистой внешней оболочкой кое-что было. Главное — дать ей возможность это разглядеть.

Он давно понял, что не сможет от нее отказаться. Несмотря на жену, ее ревность и весь риск, на который он шел — сорокавосьмилетний толстяк, с телом и душой, охваченными пламенем...

И вся проблема в том, что существо, фея, которой он одержим день и ночь, была намного его моложе.

И даже более того — ей исполнилось всего девять лет.

Часть I

СУББОТА, 31 ОКТЯБРЯ 2009 ГОДА

Лайзе удалось незаметно покинуть зал, когда слово взял сын юбиляра. Ему пришлось долго стучать вилкой по бокалу, прежде чем сотня или около того гостей разгадали его намерение. Разговоры и смех, наполнявшие помещение несмолкаемым гулом, стихли, и все взоры обратились к нервозному мужчине, который в этот момент ни о чем как будто так не сожалел, как о своем решении произнести хвалебную речь на этот семидесятипятилетний отцовский день рождения.

Несколько мужчин не удержались от шуток, потому что выступающий то краснел, то бледнел, а потом так запутался, что начинал три раза, прежде чем более или менее освоился со своей ролью. Так или иначе, незадачливый оратор привлек всеобщее внимание.

Момент для бегства был как нельзя более подходящий. Вот уже четверть часа Лайза пробиралась к выходу, и теперь оставалось сделать последние два шага, чтобы оказаться снаружи. Прикрыв за собой тяжелую дверь, она прислонилась к стене и тяжело задышала. Как тихо здесь было... И как прохладно! В переполненном зале стояла невыносимая жара. Причем Лайзе казалось, что никто не страдал от этого так, как она.

Хотя, в общем и целом, вечеринка, можно сказать, удалась. Изысканные костюмы, украшения, парфюм, громкий, непринужденный смех — и сама она посреди всего этого, тем не менее будто отделенная от остальных невидимой стеной. Она машинально улыбалась, отвечала, когда ее спрашивали, кивала или качала головой, потягивая шампанское, и в то же время будто не вполне осознавала происходящее, чувствуя себя подвешенной на веревках марионеткой, кем-то управляемой и совершенно неспособной к самостоятельным действиям. Примерно так она и жила последние несколько лет. Если, конечно, это можно назвать жизнью.

Проходившая мимо сотрудница отеля «Кенсингтон» задержалась, решив, как видно, что прислонившейся к стене женщине нужна помощь. Наверное, Лайза выглядела жалко. Судя по тому, как себя чувствовала, по крайней мере. Она выпрямилась и попыталась улыбнуться.

— Всё в порядке? — спросила сотрудница отеля.

— Да. Просто в зале... душно.

Она кивнула на дверь. Молодая женщина сочувственно посмотрела на нее и пошла дальше. Лайза поняла, что нужно срочно привести себя в порядок.

Туалетная комната, отделанная мраморной плиткой, встретила ее мягким светом и умиротворяющей музыкой, доносившейся из скрытых динамиков. На какое-то мгновение Лайза испугалась, что не одна здесь, но быстро успокоилась. Похоже, в кабинках никого не было. Лайза понимала, что это ненадолго. Сотня гостей праздника плюс постояльцы отеля — ее одиночество грозило оказаться нарушенным в любую секунду. Значит, нужно поторапливаться.

Лайза оперлась на дорожную раковину. Женщина в зеркале показалась ей чужой, но такое случалось и раньше, даже когда

Лайза не была так взвинчена, как сейчас. Роскошные светло-русые волосы, которые она тщательно убрала к сегодняшнему вечеру, свисали вдоль висков неопрятными спутанными прядями. Губная помада, как видно, вся осталась на бокале, потому что губы выглядели почти бесцветными. И Лайза вспотела, судя по блестящему носу и размазанной косметике.

Все это она предчувствовала. Поэтому последние двадцать минут и не мечтала ни о чем другом, кроме как выбраться из этого ужасного помещения. Нужно немедленно исправить ситуацию, чтобы потом как-нибудь пережить остаток вечера. Не может же это продолжаться вечно. Часть с шампанским уже практически закончилась. Далее — шведский стол. Что, конечно, лучше обыкновенного праздничного обеда из пяти перемен, который мог бы растянуться на несколько часов и где гораздо труднее спрятаться, по крайней мере от глаз двух ближайших соседей. Шведский стол предоставляет куда больше возможностей тому, кто желает улизнуть раньше времени.

Лайза поставила сумочку на край мраморной раковины, неуклюже покрутила замком и наконец выудила пудреницу и тюбик тонального крема. Если б еще руки не дрожали так сильно... Не хватало только испачкать платье, что стало бы достойным завершением этого кошмарного вечера.

Пытаясь открыть пудреницу, что ей долго не удавалось, Лайза разрыдалась. Слезы просто полились из глаз, и она ничего не могла с этим поделать. В ужасе снова подняла глаза на свое-чужое лицо, теперь уже заплаканное. Это конец. Могла ли она вернуться в зал с красными, опухшими глазами?

Почти в истерике, Лайза рванула целую кипу шелковистых бумажных салфеток из держателя на стене. Но любые попытки унять слезы как будто лишь усугубляли ситуа-

цию — те снова и снова заливали глаза. «Ничего не поде-лаешь, — подумала Лайза. — Придется вернуться домой».

И, как будто всего этого было недостаточно, позади по-слышался шум. Ведущая в коридор дверь открылась, и по мраморной плитке зацокали каблукки. Сквозь слезы Лайза разглядела женщину, направлявшуюся к туалетным кабин-кам, прижала салфетку к лицу и сделала вид, что сморкается.

Ну же, проходи скорее...

Шаги стихли, и на некоторое время комната погрузилась в тишину. Женщина повернулась и подошла к Лайзе. На вздра-гивающие плечи легла теплая рука. Лайза снова подняла глаза к зеркалу и увидела позади своего лица еще одно, обеспокоен-ное, с застывшим в глазах вопросом. Лайза не знала эту жен-щину, но, судя по одежде, она тоже была из числа гостей.

— Вам нужна помощь? — обратилась к ней незна-комка. — Не хочу быть навязчивой, но...

Доброта, неподдельное участие в ее голосе — это было свыше того, что могла выдержать в тот момент Лайза. Рука с салфетками бессильно упала. Лайза перестала сопротив-ляться своей боли, и слезы хлынули потоком.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 НОЯБРЯ

Поздним вечером в воскресенье Карла впервые обратила внимание на необычное поведение лифта. Теперь жить ей оставалось совсем недолго, но воображения Карлы не хватило бы, чтобы представить, что произойдет ближайшей ночью.

Она сидела в своей квартире, несколько удивленная вне-запным открытием. Ведь это, похоже, продолжалось уже несколько дней. Лифт поднимался на ее восьмой этаж, оста-навливался, двери автоматически открывались, но никто не

выходил и не входил. Шагов Карла, во всяком случае, не слышала. Она могла поклясться, что их не было.

Ее дом не из тех, что поглощают звуки. Многоэтажка семидесятых годов постройки — довольно унылая коробка с длинными коридорами и множеством квартир внутри. Более-менее просторные из них занимали семьи с детьми, в меньших ютились одиночки, полностью поглощенные работой и почти не бывавшие дома. Хакни — один из беднейших районов Лондона, притом что та его часть, где жила Карла, была далеко не худшей.

Она попыталась вспомнить, когда в первый раз случилось так, что лифт остановился, но из него никто не вышел. Конечно, само по себе это ничего не значит. Когда кто-то нажимает не на ту кнопку и, осознав ошибку, выходит раньше, лифт все равно поднимается на тот этаж, куда его отправили по ошибке, где его двери открываются, и ждет следующего вызова.

Но в последнее время ошибки уж слишком участились. Как давно, с неделю? Может, две? Карла выключила телевизор. Это ток-шоу все равно ее не занимало. Она подошла к входной двери, отперла, открыла. Щелкнула выключателем рядом с дверным звонком, заливая коридор слепящим белым светом. Эти лампы придают коже трупный цвет, кто их вообще здесь установил? Она оглядела длинный коридор — никого и ничего. Двери лифта закрылись.

Может, какой-нибудь шутник? Подросток из этого же дома, взявший в дурную привычку каждый раз жать на восьмой этаж, прежде чем сойдет ниже... Для чего это ему могло быть нужно, оставалось для Карлы непостижимым. Как, впрочем, и многое другое из того, что делают люди.

Одинокая, всеми оставленная, она вот уже пять лет как вышла на пенсию. Когда каждое утро встаешь и завтракаешь

в одиночестве, коротаешь день в тесной квартире перед телевизором или за книгой и лишь изредка выходишь на прогулку, а вечером ужинаешь одна и снова пялишься в экран, волей-неволей отклоняешься от социальной нормы. Просто перестаешь понимать людей, чья повседневная жизнь неотделима от работы, коллег, семьи, детей — и всех неприятностей и, конечно, радостей, с ними связанных. Очень может быть, что таким людям Карла казалась куда более странной, чем могла себе это представить.

Она вернулась в квартиру, хлопнула дверью и, прислонившись к ней спиной, глубоко вздохнула. Карла переехала в эту многоэтажку — одну из немногих в Хакни, состоявшем в основном из викторианских, по большей части порядком обветшавших зданий — в надежде на лучшее. Думала, что не будет чувствовать себя такой одинокой в доме, полном людей. Все получилось наоборот. Здесь каждый сам по себе, и соседи, похоже, даже незнакомы друг с другом. Вдобавок много пустых квартир. С некоторых пор на восьмом этаже Карла жила одна.

Она направилась в гостиную, размышляя на ходу, не включить ли телевизор. В итоге не стала, вместо этого налила себе вина. Карла пила его каждый вечер, но взяла за правило не прикасаться к бутылке раньше восьми. До сих пор ей удавалось придерживаться этого распорядка.

Она вздрогнула, когда снаружи лязгнула дверь. Лифт поехал вниз, значит, его кто-то вызвал. Мысль о том, что в доме она не одна, несколько успокоила Карлу. «Может, все-таки стоит подыскать другую квартиру», — подумала она.

Что касалось возможностей переезда, здесь ее свободу ограничивала скромная пенсия. Карла не могла позволить себе многого. И потом, где гарантия, что на новом месте она

не будет чувствовать себя еще более одинокой? Очень может быть, что дело здесь не в доме, а в ней самой...

Когда тишина стала невыносимой, Карла схватила телефон и набрала номер дочери. Слишком быстро, чтобы застенчивость или страх могли помешать ее намерению. Собственно, у нее всегда были хорошие отношения с Кирой. Но с тех пор как дочь вышла замуж, а теперь еще и родила ребенка, связь день ото дня становилась все более эфемерной. Молодым людям приходилось устраивать собственную жизнь. Где им было взять силы и время на престарелую мать-неудачницу?

Ее брак распался спустя двадцать восемь лет, Карла сама не могла в это поверить. Муж увяз в долгах, потому что слишком долго жил не по средствам. В итоге сбежал, прежде чем кредиторы успели привлечь его к суду, и в течение многих лет не подавал признаков жизни.

Карла выла от отчаяния. Дочери удалось спастись с тонущего корабля в одном из бесчисленных жилых комплексов Брэкнелла, что в сорока пяти минутах езды к юго-западу от лондонского центра. Математик по образованию, Кира переучилась на финансиста и вышла замуж за человека, чье положение в администрации банка казалось незыблемым. Карла понимала, что должна радоваться за дочь.

Кира ответила после второго сигнала. В ее голосе слышалось напряжение, на заднем плане кричал маленький сын.

— Привет, Кира, это мама. Просто хочу знать, как вы...

— Ой, привет, мам, — Кира, похоже, не особенно обрадовалась звонку. — Всё в порядке. Вот только малышу снова не спится... Совсем меня вымотал.

— Может, у него режутся зубки?

— Угадала. — На некоторое время Кира замолчала, а потом виновато добавила: — Ну а ты как?